

личностной свободы, избавлению от страхов, к активной жизненной позиции, заряжает жизненной энергией, помогает скинуть шоры, взглянуть на жизнь и отношения с людьми под другим углом, освободиться от предрассудков. И да, нельзя не отметить как безусловное достоинство тот факт, что от чтения действительно невозможно оторваться, написано очень увлекательно.

Л. В. Первушина
г. Минск, Беларусь

ПЕРЕКЛИЧКИ КУЛЬТУР В МЕМУАРАХ Г. ГИЛДНЕРА «КНИГА МОЕГО ДЕДА: ПОКОЛЕНИЯ АМЕРИКАНСКОЙ СЕМЬИ»

Особенно остро вопросы определения национального самосознания и выявления параметров этнической идентичности проявляются в творчестве писателей США, принадлежащих ко второму, третьему и последующим поколениям эмигрантов. В многонациональной и поликультурной стране, в иноязычном окружении, где доминирующим языком является английский, в жизни этнических общин очевидной становится отчетливая динамика постепенной утраты аутентичных реалий, возникновение билингвизма, а затем и «редукция языковой компетенции билингвов» [1, с. 690]. Изменение социокультурных и языковых процессов под влиянием ассимиляции и аккультурации и их влияние на развитие той или иной культурно-исторической общности «позволяют человеку осмыслить значимость своего личного бытия» [2, с. 239] и рассмотреть особенности мировосприятия, мироощущения и менталитета национальных и этнических групп в американском обществе плюрализма.

В последние десятилетия XX – начале XXI в. в современной литературе, включая и американскую, становится широко распространенным мотив путешествия в прошлое, «восстановление жизни предшествующих поколений, потомственных, родовых историй, которые были забыты, утрачены, часто дискредитированы» [3, р. 153]. Так как писатель выявляет и формирует себя свою идентичность (и идентичность своих героев) в процессе межличностных отношений и в сложных временных координатах прошлого, настоящего и будущего, то важным показателем глубины личности писателя и аксиологической значимости творчества является «то, какие события включаются им в сферу памяти и какие культурные ценности им воссоставляются и исследуются» [4, р. 218]. Литературные поиски авторов, представляющих второе и третье поколения эмиграции в США, объединены темой сохранения национального своеобразия и отличаются пристальным вниманием к процессам, происходящим в жизни существующих этнических общин.

Возникают многочисленные саги, фиктивные и реальные истории, мемуары, автобиографии и автобиографические романы, в которых представлена литературная реконструкция культурных событий через призму

частных историй героев произведений. В них фиксируется процесс передачи жизненного опыта, традиций, ценностей этнических сообществ последующим поколениям. Получили известность такие произведения, как, например, роман известного чешско-американского писателя Яна Новака «The Willys Dream Kit» (1986), в котором в художественной форме с сатирической направленностью и глубоким внутренним автобиографизмом автор восстанавливает историю своей семьи до эмиграции, а затем и представляет пародийно-ироническое переосмысление жизни в США. Информативной и глубокой по содержанию является тетралогия американского писателя польского происхождения Ричарда Банковского «A Glass Rose» (1958), «After Pentecost» (1961), «On a Dark Night» (1964), «The Pale Criminals» (1967), в которой исследуется тема разрушения и расшатывания культурных устоев польской американской общины через исследование судьбы нескольких поколений польско-американской семьи и их потомков. В тетралогии Дэррила Понискана – еще одного американского писателя польского происхождения «The Last Detail» (1970), «Goldengrove» (1971), «The Accomplice» (1975) и «Andoshen, Pa» (1973) представлена тема этнического героя как культурного аутсайдера через исследование жизни потомков из семьи Буддуски (*the Buddusky family*), которые переживают процессы разложения и упадка (деградация) польской общины в северо-восточной Пенсильвании. Каждая книга тетралогии Анне Пелловски «Willow Wind Farm» (1981), «Stairstep Farm» (1982), «Winding Valley Farm» (1982) и «First Farm in the Valley» (1982) отражает польско-американское детство, т.е. структурирована как серия виньеток (кратких эпизодов). Жизнь нескольких поколений эмигрантов отражена также в произведениях Т. Романов, Д. Галич Барр, С. Дубека, А. Пелловски, Э. Букоски, Сюзанны С. Шая и многих других авторов.

Проблема восстановления культурно-исторической памяти затрагивается в творчестве Гэри Гилднера (1938) – известного американского писателя польского происхождения – прозаика, поэта, эссеиста, перу которого принадлежат более 20 книг (сборники поэзии, романы, публицистические произведения и мемуары). Наиболее известными являются его произведения «Blue Like the Heavens», «The Second Bridge», «First Practice» и «The Warsaw Sparks». Творчество Г. Гилднера переводится на многие языки мира, а его автор удостоен престижных литературных премий (*The National Magazine Award for Fiction, a Pushcart Prize, and The William Carol Williams and Theodore Roethke poetry prizes*).

В мемуарах Г. Гилднера «Книга моего деда: поколения американской семьи» («My Grandfather's Book: Generations of an American Family», 2002) подчеркивается значимость исторической памяти в современном глобализованном и фрагментированном мире как один из основных антропологических факторов, «который служит для литературы неисчерпаемым источником мотивов, ... выступая при этом и как способ презентации истории, и как инструмент психоанализа: она моделирует внутренние процессы, формиру-

ющие личностную идентичность» [5, с. 168]. Именно через культурно-историческую память, проявляющуюся сквозь века, сохраняется личная, индивидуальная идентичность человека и коллективная идентичность различных этнических групп как «длящееся внутреннее равенство с собой» [6, с. 299], непрерывность самопереживания личности или определенной группы. Культурно-историческая память предполагает необходимость передачи жизненного опыта, национальных этнических культурных ценностей последующим поколениям.

Обращаясь к жанру мемуаров, автор акцентирует важность социального, культурного, литературного контекста, но в то же время размывает грань между автобиографией и мемуарами, восстанавливая наиболее значимые, личностные эпизоды истории своей семьи с момента вынужденной экономической эмиграции деда, чей переезд в США способствовал основанию семьи в Американской Полонии. Сильный автобиографический импульс позволяет автору стать посредником между реальностью и реконструированными событиями, «трансформируя реалии личного внешнего и внутреннего опыта автора, связанного с обстоятельствами его жизни, в художественно-образную систему литературного произведения» [7, с. 99]. Для создания художественной модели мира автор использует не только автобиографические факты, но и воплощает в произведении свои моральные установки, свое миропонимание, убеждения и оценку действительности и характеров в контексте истории.

Восстановление автором истории нескольких поколений своей семьи происходит на основе изучения архивных документов как в архивах Польши, так и в польско-американских архивах (например, одним из которых является the Orchard Lake Archives, к северу от Детройта), а также на основе разрозненных сведений очевидцев, многочисленных разговоров и интервью, отрывков писем и записей. В процессе поиска информации о своих национальных корнях происходит знакомство с культурами Европы, а исследование своей польской этничности идет параллельно с открытием богатой культуры славянского мира. Отмечается пристальное внимание автора к существующим этническим общинам, традициям, обычаям, устанавливается литературный межкультурный диалог, создается особый художественный хронотоп с его сложными связями между модусами прошлого, настоящего и будущего.

Трансатлантические поездки автора мемуаров акцентируют важность пространственно-временных связей повествования, соединяющих Старый и Новый Свет. Перелеты из Нью-Йорка, Пенсильвании, Вашингтона, Иллинойса, Лос Анджелеса в Чехию, Польшу, Венгрию, Словакию, Австрию позволяют сопоставить культуру европейских городов с жизнью городов американских штатов, сравнить величественные горы в штате Айдахо (Clearwater Mountains) с красотой высоких Татров в Восточной Европе. Мемуары восстанавливают памятное время, когда в качестве фулбрайтовского профессора Г. Гилднер преподает в университетах Словакии

и Чехии, знакомится с системой образования в славянских странах, с их историей и литературой. На занятиях со студентами он раскрывает им неповторимый мир американской литературы и особенности творчества знаменитых авторов У. Уитмена, Г. Д. Торо, Э. Хемингуэй, Ф. С. Фитцджеральда, С. Кинга, Э. А. По, С. Крейна, М. Митчелл, Дж. Хеллера, У. К. Уильямса, Э. Дикинсон, Ю. Уэлти, Н. Готорна, М. Твейна, Т. Харди и др. В стремлении «к наиболее полному философскому обоснованию художественных поисков авторов» [8, р. 47] профессор выявляет проблемные узлы бытия, объясняет человеческие драмы и трагедии и рассматривает сложности литературного воплощения человеческой экзистенции.

В мемуарах зафиксированы культурные взаимовлияния глобализованного мира, которые проявляют себя во всех частях планеты Земля. Так, находясь в гостинице в Европе, профессор слушает произведения в исполнении оркестра под управлением Гленна Миллера по радио, которое было привезено из России. Он узнает о специализированной школе в Братиславе, «в которой учатся дети со специфическими проблемами здоровья со всего мира, даже из Африки» [8, р. 70]. Посещает музей Энди Уорхола в небольшом городе Медзилаборце на востоке Словакии недалеко от польской границы; переезжает из города в город на маленькой машине «Лада», сделанной в России [8, р. 44], слушая рассказы коллег о словацком фольклоре, эльфах, водяных, феях, воздушных созданиях, испытывая чувство ностальгии при виде красоты белых берез [Там же, р. 185, 191]. Связь культур проявляет себя и в городе Ружомберок, где находятся известные баскетбольные клубы, объединяющие студенческие команды Словакии, Италии, Испании, Польши, Австрии и других городов Европы. Примеры можно продолжать и продолжать... Воссоздание звуков народных песен и аккордеона [Там же, р. 156], описание праздников с играми и танцами, включая популярную «польку», вносят яркий народный колорит в интермедialное измерение текста мемуаров. Своеобразный диалог/полилог культур в реальной жизни способствует формированию новой, многозначной, многосоставной гибридной идентичности личности писателя, находящейся на пересечении нескольких культур. Находясь в сложной системе культурных координат и при этом погружаясь в историческое прошлое, Г. Гилднер приобретает как «медитативный опыт» [3, р. 1], так и философское осмысление жизни, что позволяет особым образом выстраивать внутренний мир своих героев и представлять культуры славянских стран, «в новой автобиографической форме, что делает их информативными и доступными для читательской аудитории» [9, р. 111].

Автор глубоко исследует культуру Польши – родины своих предков. Повествование мемуаров включает описание реалий, характеризующих культурный фон страны, ее этнографические особенности, а также традиции, обычаи, исторические факты. Процесс поиска конкретной информации, связанной с определением места рождения Стефана (Стива) Шостака (деревня Остров / Ostrów на севере Татр) [8, р. 3], временем вынужденной эмиграции, описанием условий его жизни уже в Новом Свете и восста-

новлением генеалогии всей семьи облекается автором в яркую образную репрезентацию жизненного повествования. Происходит трансформация автобиографических мыслей в четко очерченные, многогранные, зримые образы, отражающие изменчивость жизни и парадоксальность человеческого существования. Открытием для автора мемуаров стало происхождение славянского имени деда (писатель внимательно изучал *Books on Patronymic Surnames* – труды по происхождению родовых имен и фамилий от имен предков), образованного от белорусской фамилии *Шостакович (Shostakovich)*, в котором часть слова *shost* означала *шесть, six* [8, p. 86]. Все возможные славянские фамилии были производными от *Shostakovich (Szostak, Szostek, Shostack, Shustak, Shustek, Shostag (East German), Šesták (Czech))*.

Важнейшей составляющей мемуаров является интертекстуальность, раскрывающая национальное своеобразие, интеллект и читательские приоритеты С. Шостака. Многочисленные интертекстуальные ссылки на жизнь и литературные поиски Джозефа Конрада (псевдоним Юзефа Теодора Конрада Коженевского) – признанного английского писателя польского происхождения – свидетельствуют о свойстве художественного произведения формировать дополнительные смыслы. Создание художественной ткани мемуаров Г. Гилднера осуществляется через сложную систему взаимосвязей с творчеством Дж. Конрада, который был самым глубоким и любимым автором эмигранта С. Шостака, который «любил повествования о внутреннем мире человека в джунглях, о шторме в море...» [8, p. 117]. С творческой биографией Конрада соизмерял свою жизнь старый эмигрант, в его текстах находил вдохновение, сверял свою жизнь с поступками литературных героев и искал ответы на вопросы и проблемы жизни. Сильный и смелый человек, образованный, начитанный, прекрасно знающий историю Польши, дед испытывал симпатию к тем героям Конрада, которые проявляют стойкость и мужественно проходят через трудности жизни. Подробно воспроизводится история жизни деда, который работал кузнецом, затем в литейном цеху на заводе, получил там серьезную травму. Позже переехал на север США и создал семью. Книги Дж. Конрада отвлекали от работы и порой вызывали недовольство его жены: «...again, this Korzeniowski again...!» [Там же, p. 161]. Все годы своей жизни Шостак читал Конрада на польском, даже в последний день его жизни [8, p. 90], в день, когда он покинул этот мир.

Творчество Дж. Конрада является важной эстетической сферой, через которую во многом выявляются мировоззренческие установки самого Г. Гилднера и его героев. Представленные примеры между жизнью Дж. Конрада и С. Шостака демонстрируют некоторую схожесть судьбы эмигрантов, способствуют проникновению во внутренний мир двух личностей и их психологию: *Their birthdays were within week of each other (Steve's on November 27, Conrad's on December 3); both were Sagittarians, born under the sign of The Archer; both men had famous tempers; each one named his last son John; each man late in life created a woman named Rita; ... both men were dreamers – their biggest connection. In their forties they abandoned large*

industrial cities to live in the country. Conrad left London for Pant Farm and Steve left Detroit for land he did not intend to farm that hard; for wives, they both chose women who provided domestic comfort and stability... [8, p. 168]. Мирощущение польского эмигранта Шостака, который приехал в Америку из Старого Света, окрашено в трагические тона, как и мировосприятие Дж. Конрада – английского писателя польского происхождения, так как жизнь требовала от обеих личностей непрерывной борьбы с обстоятельствами и преодоления препятствий. Как и герои Дж. Конрада, Шостак задумывался о проблемах человеческого существования, смысле жизни, об идеалах и многообразии проявления жизни: *...I wanted what Joseph Conrad wanted, the questions, the mysteries, the imperfections and contradictions of the human heart... A man's real life is that accorded to him in the thoughts of other men by reason of respect or natural love* [Там же, p. 89].

Этническое своеобразие эмигранта С. Шостака, его польскость также проявляются через переключки с национальной культурной и литературной традицией. Он помнил и цитировал поэмы героического Адама Мицкевича, долго и воодушевленно рассказывал детям о королевской династии, описывал красоты Польши, традиции народа, восхищался свободными волнами реки Вислы. История деда и нескольких поколений рода Шостаков воспроизводится параллельно с историями эмиграции, изгнания и любви А. Мицкевича (Мицкевич и Марыля), Ю. Словацкого (Словацкий и Людвика), Т. Ленартовича (Ленартович и Зофия), которые в свое время эмигрировали в Париж, Рим, Флоренцию. Интеллектуальное «общение» с любимым автором погружает Стефана Шостака в особое коммуникативное пространство двух культур разных стран – Польши и Америки, впоследствии открытое Г. Гилднером.

Мировосприятие старого эмигранта сохраняет глубокую связь с родиной, хранит культурно-историческую память, восстанавливает смысл жизни внутри быстро меняющегося мира, а также актуализирует архетипический образ дома, место этнических истоков беженца. В свое время Дж. Конрад, задумываясь о проблеме поиска своей национальной идентичности и размышляя о культурно-исторической памяти, писал: *The dead can live only with the exact intensity and quality of life imparted to them by the living* [8]. Неслучайно, многие исследователи творчества Конрада «...обнаружили в его трудах, кроме общих составляющих польской культуры, тематические, художественные мотивы произведений польской литературы. ... а многие английские критики указывают на таинственные, славянские черты его души, на влияние родного языка, давшего мощный импульс для поиска нового выразительного стиля, ритмики, образности и силы, которые так характерны для английской прозы Конрада» [10, с. 16]. Сравнения, проведенные в мемуарах между жизнью старого эмигранта и творчеством Дж. Конрада, еще раз подтверждают тот факт, что существует «параллелизм между смысловой структурой художественного текста, механизмами человеческой памяти и культурной традицией» [11, с. 9].

Известно, что информация о прошлом хранится и транслируется «через тексты, которые выполняют три основные функции: передачи сообщения, генерации новых смыслов и конденсации культурной памяти» [11, с. 15]. Мемуары Г. Гилднера «Книга моего деда: поколения американской семьи» возрождают процесс непрерывности, целостности и преемственности культуры, восстанавливают глубоко сокрытое наследие прошлого, сокровищницу родовых историй и традиций в рамках большего времени. В них представлено индивидуальное этническое своеобразие человека, а также коллективная идентичность и уникальность Американской Полонии, которая, как и многие другие культуры, вносит свой вклад в ход исторического развития и культуры человечества в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Жданова, В.* Речевые портреты эмигрантов / В. Жданова // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты : сб. ст. в честь 80-летия Игоря Александровича Мельчука. – М. : ЯСК, 2012. – С. 682–694.
2. *Якимова, Е. В.* Идентичность психосоциальная / Е. В. Якимова // Культурология. XX век : энцикл. : в 2 т. – СПб. : Унив. книга ; ООО «Алетейя», 1998. – Т. 1. – С. 239–241.
3. *Bellamy, M. R.* Bridges to Memory: Postmemory in Contemporary Ethnic Women's Fiction / M. R. Bellamy. – Charlottesville & London : Univ. of Virginia Press, 2015. – 190 p.
4. *Pinar, W. F.* Autobiography: Politics and Sexuality : Essays in Curriculum Theory 1972–1992 / W. F. Pinar. – N. Y. : Peter Lang, 1994. – 278 p.
5. *Рахнянский, В.* Метафора голод памяти в автобиографии Ричарда Родригеза «Голод памяти: воспитание Ричарда Родригеза» / В. Рахнянский // Американские и европейские исследования 2008–2009 гг. под ред. Ю. В. Стулова. – Минск : МГЛУ, 2010. – С. 168–171.
6. *Малахов, В. С.* Идентичность / В. С. Малахов // Философия : энцикл. словарь. – М. : Гардарики, 2004. – С. 299–300.
7. *Первушина, Л. В.* Творчество Эрики Джонг в контексте современной литературы США / Л. В. Первушина. – Минск : РИВШ, 2009. – 155 с.
8. *Gildner, G.* My Grandfather's Book. Generations of an American Family / G. Gildner. – East Lansing : Michigan State Univ., 2002. – 253 p.
9. *Hirsch, M.* The Generation of Postmemory / M. Hirsch // Poetics Today. – 2008. – Vol. 29, – № 1. – P. 103–128.
10. *Раина, О. В.* Джозеф Конрад – англоязычный польский писатель / О. В. Раина // Сегменты идентичности в творчестве зарубежных славянских писателей. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2014. – С. 7–17.
11. *Кузьмина, Н. А.* Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка / Н. А. Кузьмина. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 272 с.